

Александр Куприн

Полубог

Александр Куприн

Полубог

«Public Domain»

1896

Куприн А. И.

Полубог / А. И. Куприн — «Public Domain», 1896

«Шел „Гамлет“. Все билеты были распроданы еще утром. Публику более всего привлекало то, что в заглавной роли выступал знаменитый Костромской, который лет десять тому назад начал свою артистическую карьеру в этом же театре в качестве простого статиста-любителя, а потом, объехав всю Россию, в самое короткое время завоевал себе такую оглушительную славу, какой до него не добивался еще ни один провинциальный актер...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Иванович Куприн

Полубог

I

Шел «Гамлет». Все билеты были распроданы еще утром. Публику более всего привлекало то, что в заглавной роли выступал знаменитый Костромской, который лет десять тому назад начал свою артистическую карьеру в этом же театре в качестве простого статиста-любителя, а потом, объехав всю Россию, в самое короткое время завоевал себе такую оглушительную славу, какой до него не добивался еще ни один провинциальный актер. Правда, за последний год носились и даже проникали в печать темные, маловероятные слухи о том, что бесшабашное пьянство и разврат совершенно расшатали и разрушили гигантский талант Костромского, что он только по разбегу продолжает пользоваться плодами прошлогодних успехов, что антрепренеры частных столичных сцен уже не с таким рабским искательством соглашаются на его стеснительные условия. Кто знает, может быть, в этих слухах и была доля правды. Однако такова была сила имени Костромского, что три дня подряд публика длинным хвостом стояла у кассы театра, несмотря на бенефисные цены; барышники же продавали билеты за тройную, четверную и даже пятерную сумму.

Явление первое не шло, и сцена уже была готова ко второму. Газ еще не зажигали. Декорации королевского дворца висели странными, грубыми, пестрыми картонами.

Публика понемногу наполняла зрительную залу. Из-за занавеса доносился смутный и однообразный ропот.

Костромской сидел перед зеркалом в своей уборной. Он только что пришел и уже оделся в традиционный костюм датского принца – черное трико, ботинки с пряжками и черный бархатный камзол с кружевным широким воротником. Театральный парикмахер стоял около него в подобострастной позе, держа в руках парик-блондин с длинными локонами.

– «...Он тучен и задыхается...» – произнес Костромской, растерев на ладонях кольдкрем и начиная намазывать им лицо.

Парикмахер вдруг засмеялся.

– Ты чему, дурак? – спросил актер, не отрывая глаз от зеркала.

– Да я... так-с... ничему-с...

– Ну вот и видно, что дурак. Они говорят, что я потолстел и обрюзг. А сам Шекспир сказал про Гамлета, что он тучен и задыхается. Все они – мерзавцы, эти писаки газетные. Лают на ветер.

Покончив с кольдкремом, Костромской таким же образом растер по лицу телесную краску. Теперь он внимательнее вглядывался в зеркало.

«Правда, грим – великая штука, а все-таки лицо уже не то, что прежде. Вот и под глазами мешки, а вокруг рта глубокие складки... щеки опухли... нос потерял благородные формы. Ну, да мы еще повоюем... Кин пил, Мочалов пил... наплевать! Пусть говорят и про Костромского, что он от пьянства обрюзг. А вот Костромской покажет сейчас этим молодым... подсоскам этим... покажет, что может сделать настоящий талант».

– Ты, эфиоп, видел меня когда-нибудь? – обратился вдруг Костромской к парикмахеру. Тот весь затрепетал от удовольствия.

– Помилуйте, Александр Евграфыч... Да я... Господи... Первого, можно сказать, русского артиста да чтобы я не видел? В Казани собственными руками для вас парики изготовлял.

– Черт тебя знает... не помню, – произнес Костромской, проводя вдоль носа белилами узкую и длинную черту, – много вас было... Налей-ка!

Парикмахер налил полстакана водки из графина, стоявшего на мраморном подзеркальнике, и подал Костромскому. Артист выпил, сморщился и плюнул на пол.

– Вы бы закусывали, Александр Евграфыч, – нежно посоветовал пьяница-парикмахер, – а то, ежели ее голуую... так в голову вдаряет крепко... Костромской почти кончил гримироваться; еще несколько штрихов коричневой краски, и «облака печали легли на его изменившемся и облагородившемся лице».

– Давай плащ! – приказал он парикмахеру, поднимаясь со стула.

Из зрительной залы уже доносились в уборную звуки настраиваемых инструментов оркестра.

Толпа все прибывала. Из-за стен слышно было, как она живым потоком вливалась в театр, растекалась по ложам, партеру и галереям, с топотом и с тем же своеобразным гулом отдаленного моря.

– Давно такого сбора не было, – заметил с подобострастным восторгом парикмахер, – ни одного местечка!

Костромской вздохнул.

Еще уверенный в своем громадном таланте, еще полный откровенного самообожания и безграничной артистической гордости, он уже смутно, почти не смея самому себе в этом сознаться, чувствовал, как начинают увядать его лавры. Прежде, бывало, он и в театр не соглашался ехать, если ему антрепренер не привезет в номер условленной полутысячи разовых, а то и прямо раскапризничается в середине спектакля и уедет домой, обругав на чем свет стоит и директора, и режиссера, и всю труппу.

Замечание парикмахера очень живо и больно напомнило ему эти годы колоссального, сказочного успеха. Теперь уже ни один антрепренер не привез бы ему денег вперед, да и сам он об этом не решился бы заговорить.

– Налей! – приказал Костромской парикмахеру.

Больше в графине уже ничего не оставалось. Однако вино возбудило артиста. Глаза его, на которых нижние и верхние веки были подведены тонкими и резкими черными чертами, ожили и увеличились, согнутый стан выпрямился, в опухших ногах, плотно стянутых трико, появились упругость и сила.

Окончив туалет, он привычной рукой быстро прошелся по лицу пуховкой, обмакнутой в пудру, поглядел, слегка прищутив глаза, в последний раз в зеркало и вышел из своей уборной.

Когда медленной, самоуверенной походкой, высоко подняв голову, спускался он с лестницы – каждое его движение казалось проникнутым той легкой и грациозной простотой, которой он, бывший приказчик суровской лавки, приводил в Москве в изумление видевших его актеров французской труппы.

II

Навстречу Костромскому уже мчался сценариус.

В зрительном зале ярко и весело вспыхнул газ. Нестройный хаос оркестра вдруг смолк. Гул толпы на мгновение прокатился сильнее и вдруг точно ослабел. Раздались звуки торжественного и громкого марша. Костромской подошел к занавесу и приложил глаз к проделанной в нем на высоте человеческого роста маленькой круглой дырочке. Театр был переполнен. Только в первых трех рядах можно было рассмотреть лица. А дальше, куда только ни обращался глаз, – налево, направо, вверху, внизу, – колыхалась в каком-то синеватом тумане бездна пестрых человеческих пятен. Только белые с золотыми арабесками и бархатными малиновыми барьерами бока лож выступали из этой волнующейся тьмы. Но, глядя сквозь дырку в занавесе, Костромской не нашел в своей душе ощущения – прежде так знакомого и всегда одинакового свежего и могучего ощущения – мгновенного и радостного подъема всех нравственных сил. Вот уже ровно год, как он перестал испытывать его, объяснял свое равнодушие привычкой к сцене и не подозревал, что это – начинающийся паралич истрепанной и усталой души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.